

УДК 821.161.1

**ХРИСТИАНСКИЕ МОТИВЫ
В СТИХОТВОРЕНИИ
Н.А. НЕКРАСОВА «ДЕТСТВО»:
ДОГМАТИЧЕСКИЙ
И ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЙ
АСПЕКТЫ**

Священник Дмитрий Николаевич Рожнов
магистрант Тамбовской духовной
семинарии, направление подготовки
«Теология», профиль «Русская духовная
словесность»
E-mail: reverend@ro.ru

Для цитирования: *Рожнов, Д.Н., свящ.* Христианские мотивы в стихотворении Н.А. Некрасова «Детство»: догматический и индивидуально-авторский аспекты // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 2 (11). С. 182–194.

Аннотация

В статье произведено сопоставление церковно-догматического и культурно-методологических подходов к изучению творчества русских писателей на примере Н.А. Некрасова. Анализируя стихотворение «Детство», автор приходит к выводу, что в этом произведении поэт, используя христианские мотивы и образы, закладывает в них индивидуально-авторское значение, которое не тождественно православному пониманию, вследствие чего в сознании читателей происходит искажение духовного смысла традиционных христианских образов и понятий.

Ключевые слова: Николай Некрасов; стихотворение «Детство»; христианские мотивы; «церковно-догматический» подход; «культурно-догматический» подход.

В последние десятилетия наблюдается устойчивое стремление отечественного литературоведения более глубоко и детально осмыслить взаимоотношения русской литературы и христианства, а точнее, Православия. Многие исследователи подчеркивают, что

евангельские ценности оказали огромное влияние на отечественную литературу, живопись, музыку, что позволяет говорить о русской православной культуре. Более того, русские писатели, художники, композиторы были истинными сынами своего народа. Многие из них, несмотря на внешний налет западной образованности, оставались русскими людьми с национальным менталитетом, что не могло не отразиться на их творчестве.

Данную точку зрения разделяет немало специалистов различных сфер искусства и культуры, в том числе литературоведов. Например, Г.В. Хомулло в своем диссертационном исследовании отмечает, что «перед современной филологией стоит задача продолжить традицию научного постижения текстов, имеющих религиозные корни. Благодаря усилиям литературоведов значительно расширен круг авторов, творчество которых ориентировано на православно-христианские ценности. И хотя у данного направления есть противники <...>, в ряде случаев без использования «библейского инструментария» художественный текст не прочитывается с позиций глубины авторского замысла» [13, с. 3].

В свою очередь, Е.В. Попова пишет, что «русская литература досоветского периода была построена на духе православия, «она вышла из православной купели» (И. Шмелев), христианские ценности являются ее духовным стержнем на протяжении почти тысячелетней истории существования» [10, с. 90]. На это указывал еще великий русский писатель Ф.М. Достоевский, а вслед за ним С.Н. Булгаков отмечал, что «в духовном облике русской интеллигенции имеются черты религиозности» [2, с. 32]. О том же говорят и многие современные литературоведы, такие как: М.А. Осанкина [9], Н.Н. Мостовская [8], И.А. Есаулов [4], Ю.В. Лебедев [5], С.Н. Макарова [6] и др.

В связи с этим следует выделить два методологических подхода к изучению творчества русских писателей. О.А. Бердникова условно их характеризует как «церковно-догматический», представителями которого она называет М.М. Дунаева и А.М. Любимудрова, и «культурно-догматический», к которому она относит В.Н. Захарова, И.А. Есаулова. Исследователь также сформулировала суть каждого метода. Апологеты церковно-догматической методологии «кладут в основание «критерия православности» явлений культуры «церковность» как явленную в самом художест-

венном тексте «соотнесенность героя и автора с Церковью как путем к спасению» (А. Любомудров)» [1, с. 4.].

Однако многих исследователей не устраивает такой подход, поскольку, по их мнению, он значительно сужает круг «истинно православных произведений и авторов» [1, с. 4.]. Приверженцы культурно-исторического подхода уверены, что «искать догматику в художественных произведениях – ошибочная затея с любых точек зрения» [1, с. 4.]. Например, В.Н. Захаров считает, что «церковность» может проявляться в отношениях писателя и его героев к ближним и дальним, друзьям и врагам, народу и Родине, в его концепции слова, человека, мира – в конечном счете, в отношении к Богу», то есть «православие – это образ жизни, мировосприятие и миропонимание народа. В этом недогматическом смысле говорят о православной культуре и литературе, о православном человеке, народе, мире» (В. Захаров, 1998, с. 15)» [1, с. 4.].

Такая позиция действительно открывает перед исследователями интересные возможности для более глубокого изучения творчества русских писателей, да и приверженцы «культурно-догматического» методологического подхода приводят в свою пользу немало убедительных аргументов. Однако, на наш взгляд, в этом случае при анализе художественного произведения неизбежно происходит смещение акцентов. С одной стороны, оно может содержать христианские образы и мотивы, оперировать христианскими понятиями и критериями, использовать систему евангельских ценностей, но, с другой – при сохранившейся внешне форме из произведения изгоняется самый дух православия. Такое утверждение тем более справедливо для писателей, чья жизнь и творчество находились в сложных отношениях с «Церковью как путем спасения» (А. Любомудров), в частности, для русского поэта Н.А. Некрасова.

Анализируя его творчество, нельзя не отметить, что создатель поэмы «Кому на Руси жить хорошо» – это мятущаяся душа. Практически все исследователи подчеркивают двойственность натуры Некрасова. Одни видят причину внутреннего конфликта в его происхождении и обстоятельствах жизни, другие – в сочетании в нем двух природ – великорусской и украинской. Например, Н.Н. Скатов указывает, что «один из исследователей поэта написал когда-то работу «Великорусская стихия в личности Некрасова», а само-

го поэта рассматривал как ярчайшее и типичное выражение такой стихии, почти иллюстрацию к сформулированному Ключевским племенному характеру великоросса: предприимчивость, расчетливость, «значительная доля твердости», способность к «исключительному напряжению труда», замкнутость и сдержанность в выражении чувств: «Он (Ключевский) указывает только, что великоросс нередко кажется неискренним, двоедушным человеком, не будучи на самом деле таким: неискренность его и двоедушные чисто наружные» [12].

Однако в изучении творчества Некрасова нам ближе позиция сторонников церковно-догматического методологического подхода, которые считают, что двойственность поэта обусловлена поврежденностью человеческой природы грехом и борьбой со своим ветхим человеком. Некрасов, несомненно, был сильной, незаурядной личностью, на чью долю выпало немало жизненных испытаний и душевных терзаний, о чем свидетельствуют факты его биографии и воспоминания современников. Душе поэта были свойственны благородные порывы, любовь к русскому народу, сострадание к ближним и дальним, скромность и незлобие, однако, как и любого человека, чья природа от начала времен была уязвлена грехом, его обуревали страсти. Как справедливо сформулировал богослов и литературовед М.М. Дунаев, «ни у кого из великих русских поэтов не обнаруживается столь контрастного противоречия: между потребностью, искренней религиозной потребностью обрести душевный покой в обращении к Богу – и неотвязным стремлением побороть зло собственными волевыми революционными усилиями» [3].

Исследователь также отмечает, что подобная восприимчивость поэта к чужому страданию – это дар, который может быть послан только Богом, однако, к сожалению, поврежденная грехом человеческая природа не позволила Некрасову до конца правильно распорядиться своим талантом. Вместо того чтобы употребить его во славу своего Творца, Некрасов часто направлял его для популяризации революционных идей, и происходило это в силу того, что в очередной раз человек, наделенный Богом незаурядными способностями, искал выход из жизненной ситуации не в обращении к Источнику всего сущего, а пытаясь опереться на слабые человеческие силы.

Осознание же собственного бессилия трансформировалось в душе поэта в приступы неизбежной тоски и уныния. Об этом же говорит и М.М. Дунаев: «Быть может, именно страстное, нетерпеливое стремление избыть муку сострадания заставляло Некрасова так жадно искать спасения не в вере, а в разрушительном революционном воздействии на мир. Для веры ведь потребно терпение» [3]. Таким образом, по нашему мнению, именно в этом кроется причина двойственности натуры великого поэта, о котором говорили: «двойственный, но не двуликий», именно отсюда проистекает такая неоднозначность его творчества: смирение соседствует с гордыней, глубокое религиозное народное самосознание – с горячими бунтарскими призывами, а покаянные ноты вплетаются в революционную мелодию.

Вследствие этого представляется довольно сложным однозначно толковать художественные произведения поэта. Это отмечал и М.М. Дунаев: «...Некрасов оставляет возможность различного толкования его образов. Он как будто балансирует между двумя противоположными смыслами, какими можно наполнить его образы – а выбор предоставляет любому толкователю» [3].

Одним из ярких примеров этого может служить стихотворение Н.А. Некрасова «Детство» (1873). Интересный и глубокий анализ этого произведения предлагает исследователь Г.В. Мишина в своей диссертационной работе «Образотворческая триада детство – природа – храм в произведениях Н.А. Некрасова», однако, на наш взгляд, исследователь больше тяготеет к культурно-догматическому методологическому подходу.

Например, в произведении лирический герой, а точнее, героиня, вспоминает о своем детстве и о старой церкви, в которой служил ее отец – сельский священник и которую мы видим ее глазами. Г.В. Мишина отмечает: «В детском сознании еще нет научного строго логического понимания религии, поэтому дети не принимают веру в себя, а живут в ней. Такое мировоззрение или, скорее, мирозерцание, по мысли Некрасова, является преимуществом лишь людей, по-детски наивных, не испорченных сытостью и праздностью» [7, с. 51]. Таким образом, согласно замыслу поэта, восприятие лирической героини можно считать непосредственным и непредвзятым. В интерпретации Мишиной «опустевшая

старая церковь в изображении Некрасова едва ли не более священна, чем новая (о новом храме повествуется во второй части стихотворения). В ней царит особая, намоленная пустота» [7, с. 53], и далее исследователь поясняет: «Православному христианину важны душевные силы, вложенные в вещь. В религиозной культуре есть понятие намоленности, относящееся к святыням. Намоленной называют икону, к которой обращались поколения верующих и которая действительно дарила избавление. Запечатленные лики святых, как и храмы, обладают способностью сублимировать страдание в благодать» [7, с. 53]. С последним утверждением нельзя не согласиться, однако использование церковно-догматического методологического подхода при анализе стихотворения «Детство» приводит нас к другим выводам.

В этом произведении не чувствуется умиротворения, характерного для религиозной лирики, нет также ощущения присутствия в храме высшей животворящей силы. Из контекста стихотворения невозможно до конца понять, для чего поэт обращается к образу старого, разрушающегося храма: либо для того, чтобы подчеркнуть тяжелое положение крестьян, которые ничем не могли помочь церкви, где они отмечали самые значимые события своей жизни: рождение и смерть, Причащение и Венчание; либо в бедственном положении храма отразилось их утилитарное отношение к дому Божию, то есть они видели в нем только место для совершения необходимых обрядов – подобное явление также можно было наблюдать в крестьянской среде в XIX столетии [11]. Как бы то ни было, из стихотворения «Детство» следует: несмотря на то что «угрожает обрушиться старое, ветхое здание», радикальных мер прихожане не предпринимали:

*Часто они совещались,
Как обновить отслужившую
Бедную церковь приходскую;
Поговорив, расходились,
Храм окружали подпорками
...
Синее небо виднелось
В трещины старого купола,
Дождь иногда в эти трещины
Падал...*

Вообще, описывая храм, поэт не скупится на эпитеты с уничижающим значением («убогую», «неровную», «серую», «старое», «ветхое», «бедную»), а также использует соответствующее им сравнение («словно больной, от которого врач отказался, оставлено времени старое здание»), что формирует в читательском восприятии негативную картину, в центре которой запустелый дом Божий.

Лирическая героиня также вспоминает, как проникавший через ветхий купол дождь стекал по иконам святых:

*И по иконам угодников
Крупные капли струилися.
Ими случайно омытые,
Обыкновенно чуть видные,
Темные лики святителей
Вдруг выступали...*

Г.В. Мишина интерпретирует это воспоминание как «предвосхищение и осуществление чуда. Настенное изображение угодников одушевляется и оживляется в сознании девочки» [7, с. 55]. Девочка испытывает страх при виде того, как перед ней «выступают», то есть визуально приближаются явления горнего мира.

Чувство страха, даже ужаса при столкновении обычного человека с проявлением присутствия Создателя в нашем мире, выраженное в сверхъестественных явлениях, чудесах, – это нередкое явление, но в духовной практике оно обычно также сопровождается благоговением, а в неиспорченных душах – радостью, восторгом, ликованием. Однако в чистой детской душе лирической героини чудо по непонятной причине вызывает совсем другие чувства. Проявившиеся лики святых уподобляются героиней вторжению чужих людей:

*Боялась я, –
Словно в семью нашу мирную
Люди вошли незнакомые
С мрачными, строгими лицами...*

Поэт использует эпитеты: «незнакомые», «мрачные», «строгие», – которые несут отрицательный оттенок, при этом усили-

вает негативное впечатление сравнением («словно в семью нашу мирную... вошли...») и антитезой («семья наша мирная» – «люди незнакомые»).

Далее эта антитеза подкрепляется другим противопоставлением:

*И в заунывно-печальное
Пение гимна церковного
Звонкая песня вторгалася,
Полная горя житейского, –
Песня сурового пахаря!*

В этих строчках примечательно то, что, хотя «песня сурового пахаря» наполнена «житейским горем», Некрасов подбирает для нее эпитет «звонкая» и динамичную метафору «вторгалася», в то время как для «церковного гимна» поэт находит другое определение «заунывно-печальное», что расставляет акценты и, вероятнее всего, свидетельствует о вполне определенных симпатиях и антипатиях автора. Именно здесь кроется причина негативного восприятия юной лирической героиней образов святых угодников: автор незаметно отклоняется от принципа реалистического изображения, сторонником которого себя позиционировал, и незаметно подменяет взгляд литературного персонажа собственным пристрастным, оценочным взглядом. Будучи увлечен своей «правдой жизни», поэт не замечает явного алогизма: «горе житейское сурового пахаря» несовместимо со «звонкой песней», поскольку эпитет «звонкий» прочно ассоциируется с радостью, молодостью и оптимизмом. А это уже категории той будущей счастливой жизни, которую автор желал бы для своего народа, но уже не связывал с православной верой и храмом.

Проведенный анализ позволяет заключить, что в стихотворении «Детство», как и во многих других произведениях Н.А. Некрасова, социально-политическая проблематика превалирует над духовно-нравственной. Стремление обосновать справедливость революционного пути в решении сложных проблем российской действительности подталкивало автора к намеренной подмене понятий и перемещению смысловых акцентов. Так, поэт активно использует христианские мотивы и образы: мотив чуда, образ храма и образ священника. Однако привнесенное Н.А. Некрасовым

новое их понимание конфликтует с привычным значением, принятым в православной культуре, вследствие чего в сознании читателей происходит искажение духовного смысла традиционных христианских образов и понятий.

Список литературы

1. *Бердникова, О.А.* Антропологические художественные модели в русской поэзии начала XX века в контексте христианской духовной традиции : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Бердникова Ольга Анатольевна. – Воронеж, 2009. – 40 с. – Место защиты : Воронеж. гос. ун-т.

2. *Булгаков, С.Н.* Героизм и подвижничество : (из размышлений о религиоз. природе рус. интеллигенции) / С.Н. Булгаков // Вехи : сб. ст. о рус. интеллигенции. – Репр. воспр. изд. 1909 г. – Москва : Новости, 1990. – С. 23–70.

3. *Дунаев, М.М.* Николай Алексеевич Некрасов / Дунаев, М.М. // Азбука веры : православ. энцикл. – URL: <https://azbyka.ru/fiction/pravoslavie-i-russkaya-literatura-tom-ii-chast-3-dunaev/12/> (дата обращения: 07.04.2020).

4. *Есаулов, И.А.* Категория соборности в русской литературе / И.А. Есаулов ; Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. – 287, [1] с.

5. *Лебедев, Ю.В.* Мотивы христианской гражданственности в поэзии Н.А. Некрасова / Ю.В. Лебедев // Н.А. Некрасов: современное прочтение : к 180-летию со дня рождения рус. нац. поэта : материалы межвуз. науч. конф., Кострома, 5–6 дек. 2001 г. – Кострома : Костром. гос. ун-т им. Н.А. Некрасова, 2002. – С. 4–16.

6. *Макарова, С.Н.* Идеал человека в лирике Н.А. Некрасова в свете православной традиции : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Макарова Светлана Николаевна. – Ульяновск : Ульянов. гос. пед. ун-т им. И.Н. Ульянова, 2012. – 218 с.

7. *Мишина, Г.В.* Образотворческая триада детство – природа – храм в произведениях Н.А. Некрасова : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мишина Гали-

на Витальевна. – Ижевск, 2007. – 22 с. – Место защиты : Удмурт. гос. ун-т.

8. *Мостовская, Н.Н.* Храм в творчестве Некрасова / Н.Н. Мостовская // Русская литература. – 1995. – № 1. – С. 194–202.

9. *Осанкина, В.А.* Библейско-евангельская традиция в эстетике и поэзии русского романтизма : специальность 10.01.01 «Русская литература» : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Осанкина Валентина Алексеевна. – Екатеринбург, 2001. – 34 с. – Место защиты : Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького.

10. *Попова, Е.В.* Ценностный подход в изучении литературы / Е.В. Попова // Русская литература. – 1997. – № 7. – С. 90–94.

11. *Розов, А.Н.* Священник в духовной жизни русской деревни / А.Н. Розов. – Санкт-Петербург : Алтейя, 2003. – 255 с.

12. *Скатов, Н.Н.* Некрасов / Скатов Николай Николаевич // ЛитМир : электрон. б-ка. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=91591&p=1> (дата обращения: 15.04.2020).

13. *Хомулло, Г.В.* Лирика А. Н. Майкова : литературно-художественные аспекты православно-христианских воззрений поэта : специальность 10.01.01 «Русская литература» : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Хомулло Галина Викторовна ; Дальневост. гос. ун-т. – Уссурийск, 2009. – 199 с.

UDC 821.161.1

**CHRISTIAN MOTIFS IN
N. A. NEKRASOV'S POEM «CHILDHOOD»:
DOGMATIC AND INDIVIDUAL
AUTHOR'S ASPECTS**

Dmitry N. Rozhnov, Priest
Master's degree student
Tambov Theological Seminary
Area of study «Theology»
Major «Russian Spiritual Literature»
E-mail: reverend@ro.ru

For citation: *Rozhnov, D.N., priest.* Christian motives in N.A. Nekrasov's poem «Childhood»: dogmatic and individual author's aspects // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. 2020, no. 2 (11), pp. 182–194. (in Russian)

Abstract

The article compares Church-dogmatic and cultural-dogmatic methodological approaches to the study of the creativity of Russian writers on the example of N. A. Nekrasov. Analyzing the poem «Childhood», the author comes to the conclusion that in this work the poet, using Christian motives and images, lays in them an individual author's meaning, which is not identical to the Orthodox understanding, as a result of which the spiritual meaning of traditional Christian images and concepts is distorted in the minds of readers.

Keywords: Nikolai Nekrasov; poem «Childhood»; Christian motives; «Church-dogmatic» approach; «cultural-dogmatic» approach.

References

1. *Berdnikova, A.A.* Antropologicheskie khudozhestvennyye modeli v russkoi poezii nachala 20 veka v kontekste khristianskoi dukhovnoi traditsii [Anthropological and artistic models in the Russian poetry of the early 20th century in the context of the Christian spiritual tradition]. Extended abstract of the Doctoral (Philology) dissertation. – Voronezh, 2009. – 40 p.

2. *Bulgakov, S.N.* Geroizm i podvizhnichestvo : (iz razmyshlenii o religioznoi prirope russkoi intelligentsia) [Heroism and asceticism : (from reflections on the religious nature of Russian intelligentsia)]. / S.N. Bulgakov // Milestones: collection of articles about Russian intelligentsia. – Moscow: Novosti, 1990, pp. 23–70. (in Russian)

3. *Dunaev, M.M.* Nikolay Alekseevich Nekrasov [Nikolay Alekseevich Nekrasov]. / Dunaev M. M. // Azbuka Vera: orthodox Encyclopaedia. (in Russian). Available at: <https://azbyka.ru/fiction/pravoslavie-i-russkaya-literatura-tom-ii-chast-3-dunaev/12/> (Accessed: 07.04.2020).

4. *Esaulov, I.A.* Kategoriya sobornosti v russkoi literature [Category of sobornost in Russian literature]. / I. A. Esaulov; Petrozavodsk State University. – Petrozavodsk: Publishing house of Petrozavodsk State University. 1995. – 287, [1] p. (in Russian)

5. *Lebedev, Yu.V.* Motivy khristianskoi grazhdanstvennosti v poezii N.A. Nekrasova v svete pravoslavnoi traditsii [Motives of Christian civic consciousness in N.A. Nekrasov's poetry]. / Yu.V. Lebedev // N.A. Nekrasov: modern reading : to the 180th anniversary of the birth of the Russian national poet: proceedings of the Interinstitutional scientific conference, Kostroma, 5–6 Dec. 2001–Kostroma : Kostroma State University named after N.A. Nekrasov, 2002, pp. 4–16. (in Russian)

6. *Makarova, S.N.* Ideal cheloveka v lirike N.A. Nekrasova v svete pravoslavnoi traditsii [Ideal of a person in the lyrics of N.A. Nekrasov in the light of the Orthodox tradition]. Cand. Sci. (Philology) Dissertation. / Makarova Svetlana Nikolaevna. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, 2012, 218 p. (in Russian)

7. *Mishina, G.V.* Obrazotvorcheskaya triada detstvo – priroda – khram v proizvedeniyakh N.A. Nekrasova [The image-making triad childhood-nature-temple in the works of N. A. Nekrasov]. Extended abstract of the Cand. Sci. (Philology) Dissertation / Mishina Galina Vitalievna. – Izhevsk, 2007. – 22 p. (in Russian)

8. *Mostovskaya, N.N.* Khram v tvorchestve Nekrasova [The temple in the works by Nekrasov]. / N.N. Mostovskaya // Russian Literature. – 1995, no. 1, pp. 194–202. (in Russian)

9. *Osankina, V.A.* Bibleisko-evangel'skaya traditsiya v estetike i poezii russkogo romantizma [Biblical and Evangelical tradition in the

aesthetics and poetry of Russian romanticism]. Extended abstract of the Doctoral (Philology) Dissertation. / Osinkina Valentina. – Yekaterinburg, 2001. – 34 p. (in Russian)

10. *Popova, E.V.* Tsennostnyi podkhod v izuchenii literatury [Value approach in the study of literature]. / E. V. Popova // Russian Literature. – 1997, no. 7, pp. 90–94. (in Russian)

11. *Rozov, A.N.* Svyashchennik v dukhovnoi zhizni russkoi derevni [Priest in the spiritual life of the Russian village]. / A.N. Rozov. Saint Petersburg: Alteya, 2003. 255 p. (in Russian)

12. *Skatov, N.N.* Nekrasov [Nekrasov]. / Skatov Nikolay Nikolaevich // Litmir: electronic library. (in Russian). Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=91591&p=1> (Accessed: 15.04.2020).

13. *Khomullo, G.V.* Lirika A.N. Maikova : literaturno-khudozhestvennye aspekty pravoslavno-khristianskikh vozzrenii poeta [A.N. Maykov's lyrics: literary and artistic aspects of Orthodox Christian views of the poet]. Cand. Sci. (Philology) Dissertation. / Khomullo Galina Viktorovna; Far Eastern State University. -Ussuriysk, 2009. – 199 p. (in Russian)

УДК 808.1

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПЕДАГОГА И ОРАТОРА РАННЕЙ ВИЗАНТИИ – ЛИБАНИЯ

Алленова Инна Викторовна
кандидат исторических наук, доцент,
проректор по учебной работе
Тамбовской духовной семинарии
E-mail: all-inna@yandex.ru

Для цитирования: Алленова, И.В. Литературное наследие педагога и оратора ранней Византии – Либания // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2020. № 2 (11). С. 194–206.

Аннотация

Статья посвящена анализу литературного наследия оратора и преподавателя ранней Византии Либания, которое представляет собой большой кор-